

Андрей Белый

**Королевна и рыцари
(сборник)**

Андрей Белый
Королевна и рыцари (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3119825

Аннотация

Сборник стихотворений.

Большинство стихотворений посвящено Асе Тургеневой, жене
А. Белого.

Содержание

Перед старой картиной	4
Родина	10
Звезда	12
Самосознание	13
Карма	15
Современникам	19
Асе	21
Развалы	23
Вячеславу Иванову	24
Тела	26
Асе	27
Россия	29
Слово	31
Асе	33
Дух	35
Утро	36
Асе	38
Асе	39
Зов	40
Родине	41
Инспирация	42
Родине	44
Голубь	46

Андрей Белый

Королевна и рыцари

сказки

Перед старой картиной

Кресла,
Чехлы,
Пьянино...
Все незнакомо мне!..
Та же
Висит
Картина —
На глухой, теневой стене...

Ожила: —
И с прежним
Приветом,
Закурчавясь у ног, —
Пеной,
Кипеньем,
Светом
Хлынул бурили поток.

Из
Раздвинутых
Рамок
Грустно звали: «Проснись!» —
Утес,
Забытый
Замок,
Лес, берега и высь.

Просыпался:
Века
Вставали...
Рыцарь, в стальной броне, —
Из безвестных,
Безвестных
Далей
Я летел на косматом коне.

В облаке
Пыли
Бились
Плаща моего края...
Тускло
Мне
Открылись
С башни два огня.

Кричал,

Простирая
Объятья:
«Я вернулся из дальних стран!
Омойте
Мне, —
О братья! —
Язвы старых ран!

Примите
В приют
Укромный!..»
Но упало сердце мое,
Как с башни
Рыцарь
Темный
На меня направил копьё.

Уставился
Остро,
Грозно
Злой клювовидный шлем...
Сказал,
Насмехаясь:
«Поздно!..
Путник – куда, зачем?

Мы – умерли,
Мы —
Поверья:

Нас кроют столетий рвы».
Пошел...
(Закачались
Перья
Вкруг его стальной головы.)

Глухо
Упали
Ворота...
Угасал – и угас чертог...
Изредка
Плакал
Кто-то
С каменной башни в рог, —

Да порой
Осыпали
Светом
Голубые взрывы зарниц, —
Острие
На копьё
Воздетом, —
Бастион, черепицу, шпич; —

Да порой
Говорила
Уныло
С прежним – с прошлым: вода...
Всё это —

Было,
Было!
Будет —
Всегда,
Всегда!

А
Из
Темных
Бездомных
Далей
На
Косматых,
Черных
Конях —
Рыцари
К замку скакали – в густых,
Густых
Тенях!..

Ночь играла над их головами
Переливчивым
Блеском
Звезд...
Грохоча
Над сырыми
Рвами, —
Опустился подъемный мост.

* * *

Я вернулся:
– Кресла,
Пьянино —
Всё незнакомо мне!
Обернулся:
– Висит
Картина
На глухой, теневой стене.
Из
Раздвинутых
Рамок —

Опять
Позвали:
«Вернись!»
Утес,
Забывтый
Замок —

Лес,
Берега —
И высь!..

1910

Москва

Родина

Наскучили
Старые годы...
Измучили:
Сердце,
Скажи им: «Исчезните, старые
Годы!»

И старые
Годы
Исчезнут.

Как тучи, невзгоды
Проплыли.
Над чащей
И чище и слаще
Тяжелый, сверкающий воздух;
И – отдыхи...

В сладкие чащи
Несутся зеленые воды.
И песня знакомого
Гнома
Несется вечерним приветом.

«Вернулись
Ко мне мои дети
Под розовый куст розмарина,
Склоняюсь над вами
Цветами
Из старых столетий...»
Ты, злая година, —
Рассейся!
В уста эти влейся —
– О нектар! —

Тяжелый, сверкающий воздух
Из пьяного сладкого кубка.

Проснулись:
Вернулись!..

Апрель 1909
Москва

Звезда

Упал на землю солнца красный круг.
И над землей, стремительно блистая,
Приподнялась зеркальность золотая
И в пятнах пепла тлела.
Все вокруг вдруг стало: и – туманисто
и – серо...

Стеклянно зеленеет бирюза
И яркая заленилась слеза —
Алмазная, алмазная Венера.

Май 1914
Арлесгейм

Самосознание

Мне снились: и море, и горы...

Мне снились...

Далекие хоры

Созвездий

Кружились

В волне мировой...

Порой метеоры

Из высей катились,

Беззвучно

Развеявши пурпурный хвост надо мной.

Проснулся – и те же: и горы,

И море...

И долгие, долгие взоры

Бросаю вокруг.

Все то же... Доучно

Внимаю,

Как плачется бездна:

Старинная бездна лазури;

И – огненный, солнечный

Круг.

Мои многолетние боли —
Доколе?..

Чрез жизни, миры, мироздания
За мной пробегаете вы?

В надмирных твореньях, – В паденьях —
Течет бытие... Но – о боже! —

Сознание
Все строже, все то же —

Все то же
Сознание
Мое.

Февраль 1914

Базель

Карма

Н. А. Григоровой

1

Мне грустно... Подожди... Рояль, Как будто торопясь и споря,
Приоткрывает окна в даль
Грозой волнуемого моря.

И мне, мелькая мимо, дня
Напоминают пенной сменой,
Что мы – мгновенные огни —
Летим развеянною пеной.

Воздушно брызжут дишканти
В далекий берег прежней песней.
И над роялем смотришь ты
Неотразимей в чудесней.

Твои огромные глаза!
Твои холодные объятия!
Но – незабытая гроза —
Твое чернеющее платье.

2

Мы – роковые глубины,
Глухонемые ураганы, —
Упали в хлынувшие сны,

В тысячелетние туманы.

И было бешенство огней
В водоворотах белой пены.
И – возникали беги дней,
Существований перемены.

Мы были – сумеречной мглой,
Мы будем – пламенные духи.
Миров испепеленный слой
Живет в моем проросшем слухе.

3

И знаю я; во мгле миров:
Ты – злая, лающая Парка,
В лесу пугающая сов,

Меня лобзающая жарко.

Ты – изливала надо иной
Свои бормочущие были
Под фосфорической луной,
Серая вретисцем из пыли.

Ты, возникая из углов,
Тянулась тенью чернорогой,
Подняв мышинный шорох слов
Над буквой рукописи строгой.

И я безумствовал в ночи
С тысячелетнею старухой;
И пели лунные лучи
В нее расширенное ухо.

4

Летучим фосфором валы
Нам освещают окна дома.
Я вижу молнии из мглы.
И – морок мраморного грома.

Твое лучистое кольцо
Блеснет над матовою гаммой;
И – ночи веют мне в лицо

Свою черной орифламмой.

И – возникают беги дней,
Существований перемены,
Как брызги бешеных огней
В водоворотах белой пены.

И знаю я: во мгле миров
Ты – злая, лающая Парка,
В лесу пугающая сов,
Меня лобзающая жарко.

5

Приемлю молча жребий свой,
Поняв душою безглагольной
И моря рокот роковой,
И жизни подвиг подневольный.

Июль 1917

Поворовка

Современникам

Туда, во мглу Небытия,
Ты безвременным, мертвым комом
Катилась, мертвая земля,
Над собирающимся громом.

И словно облак обволок
Порядок строя мирового,
И презирающий зрачок,
И прорастающее слово.

Толчками рухнувших Мессин,
Провалом грешной Мартиники
Среди неузнанных руин
Приподымался смысл великий.

Развили грозные огни
Все беспокойней, все нестройней —
Нечеловеческие дни,
Нечеловеческие боины...

И я к груди земли приник
И понял: в гром землетрясений
Склоняет исполинский лик
Из дней глаголющий нам Гений.

Он – Справедливый Судия, —
Мерцая мрачным приговором,
Давно смятенного меня
Опламенил глухим прозором.

И видел там, за громом битв
Восстанье Светлого Завета
В волне рыданий и молитв
И набегающего Света.

И ныне знаю: морок злой
Нас обуявших ослеплений
Перегорит, как ветхий слой,
И Солнце спустится, как гений, —

И громовая полоса,
Огнем палящая глазницы, —
Далекий грохот колеса
Золотордяной колесницы.

Январь 1918

Москва

Асе

Едва яснееют огоньки.
Мутнеют склоны, доли, дали.
Висят далекие дымки,
Как безглагольные печали.

Из синей тьмы летит порыв...
Полыни плещут при дороге.
На тучах – глыбах грозовых —
Легуче блещут огнероги.

Невыразимое – нежней...
Неотразимое – упорней...
Невыразимы беги дней,
Неотразимы смерти корни.

В горячей радости ночей
Ключи ее упорней бьются:
В кипучей сладости очей
Мерцаньем маревым мятутся.

Благословенны: – жизни ток,
И стылость смерти непреложной,
И – зеленеющий листок,
И – ветхий корень придорожный.

Июнь 1916

Дорнах

Развалы

Есть в лете что-то роковое, злое...

И – в вое злой зимы...

Волнение, кипение мирское!

Плененные умы!

Все грани чувств, все грани правды стерты;

В мирах, в годах, в часах

Одни тела, тела, тела простерты,

И – праздный прах.

В грядущее проходим – строй за строем —

Рабы: без чувств, без душ...

Грядущее, как прошлое, покроем

Лишь грудой туш.

В мятеж миров, – в немаревные муки,

Когда-то спасший нас, —

Простри ж и Ты измученные руки, —

В который раз.

Октябрь 1916

Москва

Вячеславу Иванову

Случится то, чего не чаешь...

Ты предо мною вырастаешь —
В старинном, черном сюртуке,
Средь старых кресел и диванов,
С тисненым томиком в руке:
«Прозрачность. Вячеслав Иванов».

Моргает мне зеленый глаз, —
Летают фейерверки фраз
Гортанной, плачущею гаммой:
Клонясь рассеянным лицом,
Играешь матовым кольцом
С огромной, ясной пентаграммой.

Нам подают китайский чай,
Мы оба кушаем печенье;
И – вспоминаем невзначай
Людей великих изречения;
Летают звуки звонких слов,
Во мне рождая умиление,
Как зов назойливых рогов,
Как тонкое, петушьё пенё.

Ты мне давно, давно знаком —
(Знаком, быть может, до рожденья) —
Янтарно-розовым лицом,
Власы колеблющим перстом
И – длиннополым сюртуком
(Добычей, вероятно, моли) —
Знаком до ужаса, до боли!

Знаком большим безбровым лбом
В золотокосмом ореоле.

Сентябрь 1916 Москва

Тела

На нас тела, как клочья песни спетой...
В небытие
Свисает где-то мертвенной планетой
Все существо мое.

В слепых очах, в глухорожденном слухе
Кричат тела.
Беспламенные, каменные духи!
Беспламенная мгла!

Зачем простер на тверди оледелой
Свои огни
Разбитый дух – в разорванное тело,
В бессмысленные дни!

Зачем, за что в гнетущей, грозной гари,
В растущий гром
Мы – мертвенные, мертвенные твари —
Безжертвенно бредем?

Декабрь 1916
Москва

Асе

Уже бледней в настенных тенях
Свечей стекающих игра.
Ты, цепenea на коленях,
В неизреченном – до утра.

Теплом из сердца вырастая,
Тобой, как солнцем облечен,
Тобою солнечно блистая
В Тебе, перед Тобою – Он.

Ты – отдана небесным негам
Иной, безвременой весны:
Лазурью, пурпуром и снегом
Твои черты осветлены.

Ты вся как ландыш, легкий, чистый,
Улыбки милой луч разлит.
Смех бархатистый, смех лучистый
И – воздух розовый ланит.

О, да! Никто не понимает,
Что выражает твой наряд,
Что будит, тайно открывает
Твой брошенный, блаженный взгляд.

Любви неизреченной знание
Во влажных, ласковых глазах;
Весны безвременной сиянье
В алмазно-зреющих слезах.

Лазурным утром в снеге талом
Живой алмазник засветлен;
Но для тебя в алмазе малом
Блестит алым солнцем – Он.

Сентябрь 1916

Москва

Россия

Луна двурога.
Блестит ковыль.
Бела дорога.
Летает пыль.

Летая, стая
Ночных сычей —
Рыдает в дали
Пустых ночей.

Темнеют жерди
Сухих осин;
Немеют тверди...
Стою – один.

Здесь сонный леший
Трясется в прах.
Здесь – конный, пеший
Несется в снах.

Забота гложет;
Потерян путь.
Ничто не сможет
Его вернуть.

Болота ржавы:
Кусты, огни,
Густые травы,
Пустые пни!

Декабрь 1916
Москва

Слово

В звучном жаре
Дыханий —
Звучно-пламенна мгла:

Там, летя из гортани,
Духовее земля.

Выдыхаются
Души
Неслагаемых слов —

Отлагаются суши
Нас несущих миров.

Миром сложенным
Волит —
Сладких слов глубина.

И глубинно глаголет
Словом слов Купина.

И грядущего
Рая —
Тверденеет гряда,

Где, пылая, сгорая,
Не пройду: никогда!

Декабрь 1917

Дедово

Асе

Те же – приречные мрежи,
Серые сосны и пни;
Те же песчаники; те же —
Сирые, тихие дни;

Те же немеют с отвеса
Крыши поникнувших хат;
Синие линии леса
Немо темнеют в закат.

А над немым перелеском,
Где разредились кусты,
Там проясняешься блеском
Неугасимым – Ты!

Струями ярких рубинов
Жарко бежишь по крови:
Кроет крыло серафимов
Пламенно очи мои.

Бегом развернутых крылий
Стала крылатая кровь:
Давние, давние были
Приоткрываются вновь.

В давнем – грядущие встречи;
В будущем – давность мечты:
Неизреченные речи,
Неизъяснимая – Ты!

Сентябрь 1916

Москва

Дух

Я засыпал... (Стремительные мысли
Какими-то спиральями неслись;
Приоткрывалась в сознающем смысле
Сознанию неявленная высь) —

И видел духа... Искрой он возник...
Как молния, неуловимый лик
И два крыла – сверлящие спирали —
Кровавым блеском разрывали дали.

Открылось мне: в законах точных числ,
В бунтующей, мыслительной стихии —
Не я, не я – благие иерархии
Высокий свой запечатлели смысл.

Звезда... Она – в неперемennom блеске...
Но бегают летучий луч звезды
Алмазами по зеркалу воды
И блещущие чертит арабески.

Май 1914
Арлесгейм

Утро

(и-е-а-о-у)

Над долиной мгlistой в выси синей
Чистый-чистый серебристый иней.

Над долиной, – как извивы лилий,
Как изливы лебединых крылий.

Зеленеют земли перелеском,
Снежный месяц бледным, летним блеском, —

В нежном небе нехотя юнеет,
Хрусталея, небо зеленеет.

Вставших глав блистающая стая
Остывает, в дали улета...

Синева ночная, – там, над нами,
Синева ночная давит снами!

Молниями как золотом в болото
Бросит очи огненные кто-то.

Золотом хохочущие очи!
Молотом грохочущие ночи!

Заликует, – все из перламутра
Бурное лазуревое утро:

Потекут в излучине летучей
Пурпуром предутренние тучи.

Ноябрь 1917
Сергиев Посад

Асе

(При прощании с ней)

Лазурь бледна: глядятся в тень
Громадин каменные лики:
Из темной ночи в белый день
Сверкнут стремительные пики.

За часом час, за днями дни
Соединяют нас навеки:
Блестят очей твоих огни
В полуопущенные веки.

Последний, верный, вечный друг, —
Не осуди мое молчанье;
В нем – грусть: стыдливый в нем испуг,
Любви невыразимой знанье.

Август 1916
Дорнах

Асе

Опять – золотеющий волос,
Ласкающий взор голубой;
Опять – уплывающий голос;
Опять я: и – Твой, и – с Тобой.

Опять бирюзеешь напевно
В безгневно зареющем сне;
Приди же, моя королева, —
Моя королева, ко мне!

Плывут бирюзовые волны
На веющем ветре весны:
Я – этими волнами полный,
Одетая светами – Ты!

Сентябрь 1916
Москва

Зов

Сквозь фабричных гудков
Сумасшедшие ревы
Мы в тиши городов
Слышим тихие зовы.

Исполняется час:
И – восходит в тумане,
Как прозрачный алмаз,
Все из ярких блистаний, —

Снеговое лицо
На огнистом закате,
Замыкая кольцо
Славословящих братий.

Исполняйтесь, вы, – дни.
Распадайтесь, вы, – храмы.
Наши песни – огни.
Облака – фимиамы.

Май 1914
Арлесгейм

Родине

В години праздных испытаний,
В години мертвой суеты —
Затверденей алмазом брани
В перегоревших углях – Ты.

Восстань в сердцах, сердца исполни!
Произрастай, наш край родной,
Неопалимой блеском молний,
Неодолимой купиной.

Из моря слез, из моря муки
Судьба твоя – видна, ясна:
Ты простираешь ввысь, как руки,
Свои святые пламена —

Туда, – в развалы грозной эры
И в визг космических стихий, —
Туда, – в светлеющие сферы,
В грома летящих иерархий.

Октябрь 1916

Москва

Инспирация

В волне
Золотистого
Хлеба
По-прежнему ветер бежит.

По-прежнему
Нежное
Небо
Над зорями грустно горит.

В безмирные
Синие
Зыби
Лети, литургия моя!

В земле —
Упадающей
Глыбе —
О небо, провижу тебя...

Алмазами
Душу
Наполни,
Родной стариною дыша: —

Из светочей,
Блесков,
И молний, —
Сотканная, — плачет душа.

Все – вспомнилось: прежним приветом
Слетает
В невольный
Мой стих —

Архангел, клокочущий светом, —
На солнечных
Крыльях
Своих.

Июнь 1914
Арлесгейм

Родине

Рыдай, буревая стихая,
В столбах громового огня!
Россия, Россия, Россия, —
Безумствуй, сжигая меня!

В твои роковые разрухи,
В глухие твои глубины, —
Струят крылорукие духи
Свои светозарные сны.

Не плачьте: склоните колени
Туда – в ураганы огней,
В грома серафических пений,
В потоки космических дней!

Сухие пустыни позора,
Моря неизливные слез —
Лучом безглагольного взора
Согреет сошедший Христос.

Пусть в небе – и кольца Сатурна,
И млечных путей серебро, —
Кипи фосфорически-бурно,
Земли огневое ядро!

И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня,
Россия, Россия, Россия —
Мессия грядущего дня!

Август 1917

Поворовка

Голубь

Вестью овеяны,
Души прострем —
В светом содеянный
Радостный гром.

В неописуемый,
В огненный год, —
Духом взыскуемый
Голубь сойдет.

Март 1918

Москва